

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

(Продолженіе ¹).

II.

Шпіоны.

Баронъ Унгернъ-Штернбергъ ²). Для каждаго, состоящаго на службѣ тайнаго развѣдыванія, для агента или для шпіона, необходимо заниматься профессією, которая оправдывала бы и объясняла проявляемую развѣдчикомъ пытливость или любознательность; въ этомъ отношеніи, при желаніи, прекрасно могутъ устраиваться корреспонденты или репортеры повременной печати, а въ особенности иностранныхъ газетъ. Прежде всего, по роду своего занятія, они естественно должны быть въ погонѣ за новостями, а, во-вторыхъ, частыя и регулярныя сношенія ихъ съ пославшими ихъ редакціями не должны никого удивлять. Такими выгодами положенія корреспондента сумѣлъ воспользоваться баронъ Унгернъ-Штернбергъ, кавалерійскій офицеръ въ запасѣ, русскій подданный, для

¹) См. «Военный Сборникъ», № 1. Настоящій очеркъ служитъ продолженіемъ ряда статей о развѣдывательной службѣ въ мирное время, напечатанныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» за 1912 и 1913 гг. Онъ составленъ на основаніи замѣтокъ, помѣщенныхъ въ русской и иностранной прессѣ за 1900—1913 г.г., причемъ многія вырѣзки дословно переписывались. Я, къ сожалѣнію, упустилъ изъ виду дѣлать отмѣтки, изъ какихъ газетъ дѣлались выписки, а потому сейчасъ не могу дѣлать ссылки на подлинный источникъ. Объ этомъ оговариваю во избѣжаніе нареканій въ замѣченномъ плагиатѣ. Больше всего свѣдѣній давали: «Новое Время», «С.-П. Вѣдомости», «Русь», «Русское Слово», «Le Matin», «Le Temps», «Le Journal», «Times».

²) Вырѣзки изъ газетъ: «Новое Время», «Рѣчь», «Свѣтъ», «Биржевыя Вѣдомости», «Русское Слово», «Berliner Tageblatt», «Le Journal», «Le Matin» за 1912 г.

пзмѣны своему отечеству, служба начальникомъ шпионскаго бюро Австро-Венгріи.

Организоваль баронъ свое бюро по порученію австро-венгерскаго военнаго агента, графа Спаноки. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи до 10 агентовъ, которые служили ему главными помощниками. Въ найденной у Унгерна книжкѣ значились имена ихъ съ показаніемъ размѣра выдававшагося каждому мѣсячнаго содержанія. Мѣстомъ для передачи графу Спаноки добытаго матеріала служилъ салонъ одной французенки и театръ «Акваріумъ».

Личность барона Унгернъ-Штернберга была извѣстна нашей полиціи довольно давно. Онъ считался очень ловкимъ и предприимчивымъ человекомъ, поддерживавшимъ особенно тщательно отношенія съ бывшими товарищами. На правахъ стараго сослуживца, баронъ часто бесѣдовалъ на военныя темы и часто получалъ этимъ путемъ интересныя свѣдѣнія. По свѣдѣніямъ, переданнымъ газетами, былъ установленъ списокъ въ нѣсколько десятковъ офицеровъ, съ которыми часто говорилъ Унгернъ, но вполне достоверно дознано, что со злыми или корыстными цѣлями никто съ нимъ не дѣлился; болтали только, какъ болтаютъ съ обыкновеннымъ русскимъ добродушіемъ, не подозрѣвая своей преступной легкомысленности. Подобно офицерамъ, и нѣсколько депутатовъ сообщили барону часть свѣдѣній изъ докладовъ комиссіи по государственной оборонѣ, конечно, не подозрѣвая ничего дурнаго въ этой обыденной откровенности русскаго человѣка.

Австрійскій шпионъ устраиваль по вторникамъ пріемы, на которыхъ бывало очень много журналистовъ. Во всѣхъ дипломатическихъ салонахъ онъ былъ желаннымъ гостемъ и имѣлъ большія связи въ чиновномъ и финансовомъ мѣрѣ Петербурга.

Работа Унгернъ для австрійскаго военнаго агента около года и былъ арестованъ съ поличнымъ. Особое присутствіе С.-Петербургской судебной палаты признало барона виновнымъ въ передачѣ австрійскому военному агенту двухъ докладовъ комиссіи по государственной оборонѣ, содержавшихъ секретныя свѣдѣнія о численности русской арміи и флота, о количествѣ недобора новобранцевъ и т. д. За эти преступленія палата назначила барону Унгернъ-Штернбергу 4 года каторжныхъ работъ.

Графъ Спаноки долженъ былъ покинуть Петербургъ.

Японскіе тайныя развѣдчики до войны.

Симоносекскій мирный договоръ 17-го апрѣля 1895 года, дававшій столько выгодъ японцамъ, по настоянію Россіи, Франціи и Германіи, былъ сведенъ почти на нѣтъ. И вся страна Восходящаго Солнца, до тѣхъ поръ такъ симпатично относившаяся къ русскимъ, увидѣла въ сѣверномъ колоссѣ врага и требовала войны; но японское правительство, конечно, понимало несвоевременность этого желанія и должно было уступить тремъ державамъ. Общественное мнѣніе было успокоено, тайнымъ для европейцевъ образомъ, идею о реваншѣ, и съ 1896 г. Японія стала дѣятельно готовиться къ войнѣ. Занятіе въ 1898 г. нами Портъ-Артура, Германію—Цзяо-чжоу и Англію—Вей-ха-вей, конечно, только усилило ненависть японцевъ къ Россіи.

Японія лихорадочно занялась организаціею своей арміи и флота, ознакомляясь одновременно съ будущимъ театромъ военныхъ дѣйствій и намѣченнымъ противникомъ. Она удивительно сумѣла скрыть свою работу и намѣренія и съ замѣчательнымъ искусствомъ организовала свою развѣдывательную службу. Никто изъ европейцевъ, навѣрно, не зналъ, да и теперь, надо сознаться, точно не знаетъ настоящаго числа выставленныхъ противъ насъ единицъ японской арміи, ея численности и ресурсовъ. За то японцы были въ курсѣ всего, что дѣлалось въ Европѣ, и съ удивительною энергіею и настойчивостью изучали своихъ возможныхъ противниковъ, ихъ силы, духъ и средства. Россію, по крайней мѣрѣ, они познали, какъ свои пять пальцевъ, и сумѣли выбрать вполне подходящій моментъ для ужасной войны, которая такъ неблагоприятно для насъ сложилась.

Главную помощь въ организаціи развѣдывательной службы японское правительство встрѣтило въ самой націи, въ которой издревле установился взглядъ на тайное развѣдываніе, какъ на одну изъ самыхъ благородныхъ военныхъ профессій. Въ этомъ крылась особая, очень характерная, черта народа, слѣды которой можно найти въ общественной и государственной жизни³⁾. Во времена сіогуновъ вся Японія была наполнена шпіонами, частью официальными, частью секретными. Сіогуны держали ихъ не только при князьяхъ, которыхъ могли опасаться по тѣмъ или другимъ причинамъ, но даже при губернаторахъ ими самими выбранныхъ и назначенныхъ. Быть хорошимъ и ловкимъ шпіономъ являлось чрезвы-

3) Почти дословная передача статьи: «Шпіонство въ Японіи», Н. П., «Новое Время», 1904 г.

чайно выгоднымъ и вмѣнялось не въ послѣднюю заслугу. Такъ, однажды, былъ сдѣланъ губернаторомъ Мацмая простой рабочій за то, что сумѣлъ во-время донести о важномъ заговорѣ. Однако, самостоятельные и богатые князья не оставались въ долгу передъ сіогунами: они сами держали цѣлый штатъ сыщиковъ, противъ минъ устраивали контръ-мины, и, когда удавалось изловить нравительственныхъ шпионовъ, безъ церемоніи рубили имъ головы, не встрѣчая въ этомъ препятствій и преслѣдованій, вѣроятно, изъ боязни огласки.

До чего вѣлася система шпионства въ Японіи указываетъ слѣдующій случай. Въ 1858 году, при переговорахъ съ лордомъ Эльджиномъ, въ числѣ японскихъ уполномоченныхъ находился одинъ, у котораго прямо на визитныхъ карточкахъ было написано: «Императорскій шпионъ». Считали, слѣдовательно, лишнимъ скрывать эту не послѣднюю пружину государственнаго механизма.

Система непрерывнаго тайнаго надзора далеко не ограничивалась одними официальными шпионами; она распространялась гораздо дальше и глубже и охватывала все населеніе. Зибольдъ въ своемъ описаніи путешествія говоритъ: «Дома въ японскихъ городахъ все раздѣлены по пяткамъ, и жители, состоящіе въ одномъ пяткѣ, отвѣчаютъ другъ за друга. Каждый обязанъ доводить до свѣдѣнія кахсира (городового) всякое преступленіе или необыкновенное событіе, случившееся у четырехъ его сосѣдей; кахсиръ передаетъ извѣстіе квартальному, а тотъ городскому совѣту. Такимъ образомъ можно сказать: въ Японіи одна половина наблюдаетъ за другой — вся нація смотритъ за собою въ тысячи глазъ. Кто забудетъ сдѣлать самое незначительное донесеніе, того приговариваютъ къ штрафу, тѣлесному наказанію, тюрьмѣ или домашнему аресту».

Такъ велось во времена сіогуновъ. Старыя народныя привычки не забываются, и японское правительство, играя на нихъ, сумѣло установить взглядъ, что тайный развѣдчикъ въ своихъ дѣйствіяхъ ставится на одну точку съ самымъ храбрымъ и преданнымъ солдатомъ. И дѣйствительно, не одинъ японецъ, дѣйствуя энергично, умно, съ полнымъ сознаніемъ долга ставилъ на карту свою жизнь, принося ее въ жертву долгу и родинѣ. Притомъ большинство служило безъ всякаго вознагражденія внѣ зависимости отъ ранга, профессіи и состоянія.

При подобныхъ взглядахъ, высоко развитомъ патріотизмѣ и популярности войны съ Россіей, число измѣнниковъ среди японцевъ было крайне незначительно. Отсюда понятна скудость данныхъ изъ

японскихъ источниковъ объ организаціи ихъ развѣдывательной службы. Имѣющійся въ нашемъ распоряженіи громадный матеріалъ, по преимуществу свидѣнія повременной печати, конечно, не всегда достовѣренъ, часто преувеличенъ, но въ общемъ ярко рисуетъ самостоятельную дѣятельность каждаго развѣдчика. Пока, однако, отъ насъ скрыты многія непонятныя для насъ тайны развѣдывательной организаціи, имѣющей, быть можетъ, болѣе тысячи лѣтъ за плечами. Намъ приходится поневолѣ всѣ факты подгонять подъ европейскую мѣрку и систему, что вѣроятно всего вызоветъ улыбку японскаго читателя.

Широкая организація развѣдывательной службы къ предстоящей войнѣ была развита Японіею тотчасъ же послѣ занятія нами Квантуна. Она исполнялась тремя министерствами: иностранныхъ дѣлъ, военнымъ и морскимъ, но не работавшими врознь, а по общей программѣ, руководимой генеральнымъ штабомъ. Личный составъ былъ превосходенъ. Во всѣхъ управленіяхъ феодалы съ громкими именами были замѣнены дѣльными, талантливыми и образованными людьми, очень похожими на тѣхъ, которыми окружилъ себя Петръ Великій.

Японскіе дипломаты оказались мастерами своего дѣла. Незаметно, тихо, безстрастно, въ Нью-Йоркѣ, Берлинѣ, Лондонѣ и Петербургѣ, они были въ курсѣ всего, что дѣлалось. Они посвятили себя цѣликомъ служенію определенной идеѣ, и невольно получилось впечатлѣніе, что имѣешь дѣло съ современными иезуитами, тѣмъ болѣе опасными, что пускаются въ ходъ всѣ традиціонныя хитрости Востока, что, вмѣстѣ съ безстрашіемъ и подчиненіемъ центральной власти въ стремленіи къ поставленной цѣли, они проявляли громадную инициативу въ выборѣ средствъ для достиженія ея. Японцы посылали на дипломатическія должности лишь людей, изучившихъ языкъ и страну, куда ѣдутъ. Такъ передъ войною все японское посольство въ Петербургѣ прекрасно говорило по-русски и многіе изъ его состава окончили даже наши университеты, въ которыхъ въ теченіе тридцати лѣтъ перебывало не мало японцовъ. Образцомъ того, какъ развѣдываютъ и скрываютъ свои намѣренія японскіе дипломаты, служить Курино, бывший до войны представителемъ микадо въ Петербургѣ. По указаніямъ своего правительства, онъ систематично вводилъ въ заблужденіе русское министерство иностранныхъ дѣлъ и комитетъ Дальняго Востока относительно японскихъ намѣреній. Курино былъ осведомленъ еще въ июль о времени предполагаемаго открытія военныхъ дѣйствій. По

для усиленія бдительности русской дипломатіи ему было приказано принять рядъ мѣръ, которыя указывали бы на вполне мирное настроеніе посольства. Съ этою цѣлью послѣднее перемѣнило помещеніе, нанявъ большую квартиру на Французской набережной, и приступило къ роскошной ея отдѣлкѣ, не жалѣя средствъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ японскій посланникъ очень часто заходилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и въ комитетъ Дальняго Востока, ходатайствуя о нѣкоторыхъ незначительныхъ дѣлахъ японскихъ поселенцевъ въ Манчжуріи и увѣряя, что Японія довольна и тѣмъ, что она имѣетъ, и что никакой войны на Дальнемъ Востоку быть не можетъ. Курипо считался въ Петербургѣ убѣжденнымъ поборникомъ мира, и только наканунѣ войны въ немъ обнаружился настоящій джинго.

Въ высшей степени внимательно слѣдили за всѣмъ происходящимъ и разбросанные по свѣту японскіе консулы. Консулъ въ Одессѣ имѣлъ своихъ тайныхъ агентовъ въ Турціи, Персіи, Болгаріи, Сербіи и на Кавказѣ. Получая хорошіе оклады, имѣя солидныя связи, эти агенты обязаны были сообщать консулу о всѣхъ выдающихся событіяхъ и улавливать возможность какихъ-либо политическихъ осложненій, къ которымъ Россія не могла оставаться равнодушной. Особенно усиленно дѣйствовалъ турецкій представитель одесскаго консула, зорко слѣдившій за біеніемъ политическаго пульса на Ближнемъ Востоку. Убіиство русскаго консула Ростовскаго и посылка въ турецкія воды отряда судовъ Черноморскаго флота подъ командой адмирала Кригера представляли для японскаго консула выдающійся интересъ. Онъ по нѣсколько разъ въ день носылалъ въ Токио шифрованныя телеграммы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, если бы турецкое правительство отказалось тогда удовлетворить требованіе Россіи, Японія воспользовалась бы этимъ и объявила бы войну раньше. Въ тотъ самый день, когда отрядъ адмирала Кригера былъ посланъ въ турецкія воды, въ Константинополь уже находилось нѣсколько японскихъ агентовъ, которыми руководилъ одесскій консулъ. Вообще тайные агенты этого энергичнаго японскаго представителя успѣвали своевременно сообщать о всѣхъ событіяхъ, которыя представляли интересъ для Японіи. О покушеніи на жизнь Главноначальствующаго на Кавказѣ, князя Голицына, консулъ узналъ отъ своихъ агентовъ на 24 часа раньше официального сообщенія. Тоже самое проявлялось и по отношенію ко всѣмъ выдающимся событіямъ въ Болгаріи и Сербіи.

Японскій консулъ въ Чифу — Мидзуно — руководилъ дѣятельностью японскихъ развѣдчиковъ и шпионовъ, разбросанныхъ по побережью Китая и Сибири. Первые проживали подъ видомъ парикмахеровъ, фотографовъ, торговцевъ рѣдкостями, а главное — сводниковъ. Женщины наполняли публичные дома, занимали мѣста прислуги и кормилицъ у русскихъ офицеровъ и чиновниковъ. Весь сонмъ этихъ японцевъ получалъ личныя указанія отъ состоявшаго при консулѣ полицейскаго, котораго многіе жители Портъ-Артура видѣли въ штатскомъ платьѣ, иногда въ очень ободранномъ видѣ. Мидзуно и его помощникъ оказали передъ самымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій громадную услугу. Наканунѣ ночной минной атаки 26-го января Мидзуно прибылъ въ Портъ-Артуръ на англійскомъ пароходѣ Фучао, законтрактованномъ въ Чифу, чтобы перевезти японцевъ, не успѣвшихъ уѣхать съ Квантуна. Японскій консулъ во избѣжаніе какихъ-либо задержекъ былъ снабженъ спеціальными паспортами, любезно выданными ему русскимъ консуломъ въ Чифу. Неменьшая внимательность была оказана Мидзуно въ Портъ-Артурѣ дипломатическимъ чиновникомъ при Намѣстникѣ и самимъ начальникомъ Квантунской области, пригласившимъ его позавтракать. Усадивъ въ полдень всю свою пеструю толпу, Мидзуно поспѣшилъ отплытіемъ. Въ 18 миляхъ отъ Чифу пароходъ Фучао встрѣтился съ японскою эскадрою и черезъ нѣсколько минутъ консулъ и его помощникъ были въ каютѣ адмирала Того, которому передали карту съ точнымъ указаніемъ мѣстъ стоянокъ русскихъ судовъ. Полицейскій оказался капитаномъ японскаго флота, а свѣдѣнія его дали возможность почти навѣрняка нанести поражение нашей эскадрѣ.

При всѣхъ японскихъ иностранныхъ миссіяхъ состояли военные агенты, которые при исполненіи своихъ обязанностей придерживались германскаго образа дѣйствій, т.-е. усиленно занимались тайнымъ развѣдываніемъ. Они приобрѣли въ Петербургѣ, Лондонѣ, Парижѣ и даже Берлинѣ не одну государственную тайну. Правда, типичность этихъ знатныхъ иностранцевъ облегчала мѣстной полиціи труды по наблюденію за ихъ дѣятельностью, но незначительная политическая роль Японіи того времени, отдаленность страны, а главное — нѣкоторая легкомысленная пренебрежительность европейцевъ къ мало знакомымъ азіатамъ позволяли японскимъ военнымъ агентамъ плодотворно работать на пользу своей родины. Не надо къ тому же забывать, что виртуозность японцевъ въ дѣлѣ тайной развѣдки была никому еще неизвѣстна. Въ особенности за-

мѣчательно было умѣніе японцевъ скрывать свои сношенія съ порочными сотрудниками. Уже послѣ объявленія войны Россіи одинъ изъ мелкихъ служащихъ въ морскомъ министерствѣ въ Парижѣ попался въ кражѣ документовъ и чертежей подводныхъ лодокъ для японскаго военнаго агента. Само собою разумѣется, что японское посольство немедленно объявило, что эти слухи лишены всякаго основанія и крайне оскорбительны для миссiи, такъ какъ японцы вообще никогда не прибѣгаютъ къ подкупу, а военные агенты въ частности. Японскій военный агентъ даже объяснилъ одному репортеру, что, спустя нѣсколько дней по своемъ прибытіи въ Парижъ, онъ получилъ анонимное предложеніе приобрести эти планы, но, конечно, отвергъ его—молчаніемъ. На самомъ дѣлѣ произошло такъ. Японскій агентъ получилъ письмо, авторъ котораго просилъ свиданія для переговоровъ по важному дѣлу. Для отвѣта былъ указанъ адресъ: улица Гренель, № 187. Морской аташе отвѣчалъ, что боленъ, никого не пришлетъ, и просилъ сообщить о цѣли испрашиваемаго свиданія. Въ отвѣтъ онъ получилъ второе письмо, въ которомъ нѣкто Мартенъ вновь просилъ свиданія, говоря, что о цѣли его можетъ сообщить только лично; при этомъ давался адресъ—«Главный морской штабъ». Тогда японецъ внезапно выздоровѣлъ и нашелъ возможнымъ отвѣтить Мартену, что можетъ его припятъ. У японскаго аташе завязались правильныя сношенія съ этимъ Мартеномъ, писцомъ въ морскомъ министерствѣ, который перечертилъ и продалъ планы подводныхъ лодокъ и переписалъ документы, касавшіеся совмѣстныхъ морскихъ дѣйствій Россіи и Франціи въ предусмотрѣнныхъ случаяхъ, особенно интересовавшихъ японцевъ. Дѣло его совершенно случайно было обнаружено: письмо японскаго агента попало по ошибкѣ въ руки другого Мартена, капитана, также служившаго въ морскомъ министерствѣ. Послѣдній немедленно представилъ письмо начальству, арестовавшему писца, у котораго при обыскѣ въ одномъ изъ кармановъ были найдены явные улики преступленія.

Японскій военный агентъ, бывшій въ Берлинѣ въ 1902—1904 годахъ, несмотря на строгость германскихъ порядковъ, сумѣлъ добыть цѣлую серію документовъ, затрагивающихъ крупныя колониальныя вопросы. Свѣдѣнія эти были переданы японскимъ правительствомъ въ Лондонъ, гдѣ были оцѣнены по достоинству. Однако, это слишкомъ большое усердіе союзниковъ заставило практичныхъ англичанъ усилить надзоръ за чинами японской миссiи въ Лондонѣ, вскорѣ выяснившій, что японцы не теряли даромъ времени. Тотъ

же берлинскій военный агентъ, возвратясь на родину, составилъ по порученію своего начальника генеральнаго штаба прекрасный докладъ о высшемъ германскомъ управленіи въ военное время, который послужилъ канвою директивы для дѣйствій штабовъ японскихъ армій въ несчастную для насъ кампанію.

Крайне поучительна предусмотрѣнная дѣятельность японскаго военнаго агента при разрывѣ со страной, гдѣ онъ аккредитованъ. Послѣ объявленія намъ войны, японское посольство въ Петербургѣ отправилось въ Берлинъ, но затѣмъ, пробывъ тамъ недолго, большая часть его переѣхала въ Стокгольмъ, получивъ назначеніе наблюдать за Россіей и руководить заблаговременно организованною развѣдкою при помощи агентовъ-резидентовъ, разбросанныхъ по всему нашему отечеству. Во главѣ этого дѣла стоялъ военный агентъ въ Петербургѣ, полковникъ Акаши. Съ осени 1904 года, когда волна смутнаго времени охватила русскій народъ, а неудовольствіе войною и ея неудачами укрѣпило успѣхи революціоннаго движенія, Акаши вступилъ въ сношеніе съ проживавшими въ Парижѣ русскими эмигрантами-революционерами для организациі вооруженнаго возстанія въ Россіи на счетъ японскаго правительства.

Во всѣхъ важныхъ центрахъ Европы и Азіи японскій генеральный штабъ имѣлъ, кромѣ агентуры военныхъ уполномоченныхъ, свои развѣдывательныя отдѣленія. Особенно важныя услуги оказывало лондонское отдѣленіе, образованное изъ нѣкотораго числа лицъ, принадлежавшихъ къ составу японской арміи. Такое же отдѣленіе дѣйствовало въ Одессѣ. Портовый характеръ этого города, давшаго пріютъ огромному числу моряковъ съ иностранныхъ торговыхъ судовъ, среди которыхъ всегда было много японцевъ, въ высшей степени помогало добывать необходимыя данныя, передававшіяся изъ осторожности на судахъ въ Константиноль и далѣе по телеграфу въ Токио. Однако, наибольшее число развѣдывательныхъ бюро существовало, конечно, на Дальнемъ Востоку. Теперь вполне опредѣленно дознано, что таковыя находились въ Иркутскѣ, Портъ-Артурѣ, Харбинѣ, Владивостокѣ, Сеулѣ, Мукденѣ, Фузанѣ, Шанхаѣ, Чифу, Пекинѣ, Цзяочжоу, Вей-ха-вей, Сайгонѣ, Батавіи и на Филиппинахъ. Во Владивостокѣ японское развѣдывательное отдѣленіе даже во время войны благополучно скрывалось довольно долгое время. Агенты его, крайне удачно загримированные китайцами и корейцами, задали много работы нашей полиціи, чтобы парализовать и прекратить ихъ дѣятельность. Развѣдывательныя отдѣленія въ Китаѣ, Индо-Китаѣ, на Филиппинахъ и въ голландскихъ

владѣніяхъ покрыли сѣтью своихъ агентовъ и шпионовъ всѣ портовые города. Японцы прекрасно знали день и часъ, когда пароходы одной англійской компаніи отходили изъ каждаго порта съ грузомъ кардифскаго угля во Владивостокъ, и спокойно ждали ихъ въ Корейскомъ проливѣ. У каждаго миноносца, сторожившаго проливъ, былъ списокъ девяти большихъ угольщиковъ компаніи, и, какъ только одно изъ нихъ попадало въ плѣнь, оно отводилось въ Се-себо. Прекрасный кардифскій уголь переходилъ въ руки адмирала Того.

Для производства тайныхъ развѣдокъ японскій генеральный штабъ широко пользовался своими офицерами. Часть изъ нихъ жила на опредѣленныхъ мѣстахъ, часть путешествовала. Послѣ сдачи Портъ-Артура, коменданту одного изъ русскихъ фортовъ удалось познакомиться со своимъ непосредственнымъ противникомъ, японскимъ инженернымъ майоромъ. Русскій офицеръ замѣтилъ ему, что работа японскихъ саперъ велась превосходно, въ точности слѣдую указаніямъ нашего профессора Юхера. Оказалось, что японецъ именно по этому руководству изучалъ осадныя работы. Въ свою очередь онъ засвидѣтельствовалъ, что съ русской стороны проявлено было прекрасное примѣненіе къ мѣстности: «они знали всѣ подступы къ Портъ-Артуру, всѣ ихъ слабыя мѣста—и все-таки повсюду натыкались на подготовленный обстрѣлъ». На вопросъ—откуда японцы такъ хорошо знали мѣстность—майоръ познакомилъ своего бывшаго противника съ помощникомъ начальника штаба генерала Ноги, который, какъ оказалось, былъ подрядчикомъ по очисткѣ Портъ-Артура. Овраги, мѣста свалокъ, дороги, уклоны, были очевидно знакомы ему въ совершенствѣ.

§. Чернозубовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

